

Критика новоевропейской модели субъективности как концептуальное основание философии культуры Франкфуртской школы

Критико-теоретическая парадигма Франкфуртской школы представляет собой целую эпоху в истории западной философской мысли. Основатели школы, представители еврейской интеллигенции Германии, оказались свидетелями трагических событий XX века (приход к власти Гитлера, вторая мировая война, Холокост, геноцид, концентрационные лагеря и многие другие). Данные обстоятельства привели их к необходимости критического переосмысления того концептуального каркаса, который детерминирует и репрезентирует «лицо» западной культуры в целом. В своих трудах они блестяще продемонстрировали, что те фундаментальные основания (инструментальная рациональность, т.е. применение познавательных способностей человека как инструмента преобразования внешней природы и внутренней природы самого человека; когнитивизм в понимании человека, т.е. рассмотрение его как гносеологического субъекта; установка на прогрессизм во всех сферах культуры, обусловленная субстанциальным пониманием времени и линейным видением хода исторического процесса), на которых покоится культура модерна, обусловили собой не только ужасы второй мировой войны, но и глобальные проблемы современности, которые поставили под угрозу само выживание человечества.

Следует отметить, что концепция «современности» Франкфуртской школы достаточно многоаспектна и многогранна. По этой причине автор не усматривает возможности в рамках данной работы системно эксплицировать философию культуры франкфуртцев в целом, но ограничивает себя историко-философской реконструкцией концептуального основания критической теории, а именно, критикой новоевропейской модели субъективности.

Так, в своих работах основатели Франкфуртской школы подвергают радикальной критике принцип субъективности как определяющий культуру «современности» в целом. Следует отметить, что они не были первыми, кто поставил под сомнение ценность субъекта эпохи модерна. Такой анализ осуществлял и Г. Гегель, и К. Маркс, и Ф. Ницше, и Э. Гуссерль, и М. Хайдеггер и ряд других великих философов. Тем не менее, как не бесосновательно полагает Ю. Хабермас, основатели Франкфуртской школы осуществили самый пронизательный анализ модели субъективности «современности». Он именует их самыми «черными» философами XX столетия, а «Диалектику Просвещения», в свою очередь, самой «черной» работой в западной философии. Резонно согласиться с хабермасовской оценкой мыслительных оптики его франкфуртских предшественников. Действительно, они, нарисовав мрачную картину модерна, задали своего рода матрицу для дальнейших исследований в этой области. Данное обстоятельство обуславливает актуальность обращения к исследованию их концепции критики современного субъекта.

Основной тезис основателей школы состоит в следующем: культура модерна обусловила возникновение особого типа субъективности. Специфика субъекта «современности» состоит в культивировании гносеологической составляющей человека, формировании его идентичного, целенаправленного, зрелого мужского характера [1, с.50]. В то время как природная, подлинная, по мнению франкфуртцев, часть человека (это и эмоциональная составляющая, человека, его способность к эстетическому и телесному наслаждению, открытость, многозначность человеческого существования) выдавливается из сферы легитимности посредством однобокого, калькулирующего разума «современности».

С целью выявления характерных черт субъекта модерна, франкфуртцы обращаются к исследованию домодерных обществ. Выясняется, что во времена мифо-ритуального синкретизма, человек был един с природной и социальной действительностью. Человек был целостен и многогранен во всех своих проявлениях. В веберовском духе франкфуртцы утверждают, что стремление к «размифологизации» объективной действительности привело к саморасщеплению человека на самость и не-самость, Я и поток чувственно-эмоциональных переживаний. Природная реальность предстала не как данность, но как за-данность, как то, что противостоит человеку, как то, что необходимо предельно дистанцировать и познать. Природа лишается своего онтологического значения и превращается в объект преобразования и покорения. Франкфуртцы пишут: «Пробуждение субъекта куплено ценой признания власти в качестве принципа всех отношений» [1, с.22].

С развитием городского товарного хозяйства человек отчуждается от мира. Вещи становятся доступны субъекту лишь в той мере, в какой он способен их познать, преобразовать и произвести: «мировое господство над природой оборачивается против самого мыслящего субъекта, от него не остается ничего, кроме как раз того вечно одного и того же «Я мыслю», которому надлежит сопровождать все мои представления. И субъект, и объект становятся ничтожными. Абстрактной самости, правооснованию всякого протоколирования и систематизирования, не противостоит ничего, кроме абстрактного материала, не имеющего никаких иных свойств, кроме свойства быть субстратом подобного обладания» [1, с.42]. При этом, вслед за К. Марксом, франкфуртцы полагают, что общественное разделение труда приводит к отчуждению человека не только от окружающей реальности, но и от самого себя и своей родовой сущности. Субъект превращается, таким образом, во всего лишь гносеологическую и производительную функцию. В результате субъект опредмечивается и превращается в универсальный инструмент познания и производства. Кроме того, отчуждение и опредмечивание человека оборачивается его овеществлением. «В то время, как единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает, последний обеспечивает его лучше, чем когда бы то ни было» [1, с.12]. Подлинная суть бытия заслоняется безудержным вовлечением человека в мир материальных благ и повышением уровня жизни. Человек оказывается настолько закабален вещностью, что не в состоянии увидеть

истинный фасад существующего положения дел, подавляющего и искажающего не только окружающую реальность, но и внутреннюю природу самого человека.

Не малую роль в санкционировании такого положения дел играет современная франкфуртская индустрия развлечений. Задача последней — усматривать в выполнении идеологической функции по приукрашиванию, стабилизации и сохранению действительности. Культурная индустрия, заключающая мыслители, формирует особый тип человека. Это человек «массы», он деиндивидуализирован, предсказуем, пассивен, стандартизирован, унифицирован. Человек «современности» утрачивает способность к критической рефлексии и заинтересован только в сохранении существующей комфортабельной несвободы. Таким образом, в хоркхаймеровско-адорновской концепции субъект «современности» предстает в фигуре бюргера, который последовательно принимает «сменяющие друг друга обличья рабовладельца, свободного предпринимателя, администратора» [1, с.106].

Анализ франкфуртской концепции современной субъективности позволяет автору работы заключить, что одной из причин патологий в развитии европейской цивилизации является выдвигание на первый план принципа «Я», «Эго», обретающего «свою действительность в принципе господства, которое себя полагает и увековечивает» [2, с.164]. Так, в работе «Негативная диалектика» Т. Адорно показывает, что принцип главенства субъекта над объектом получает свое философское обоснование еще со времен античности в учении Платона, которое в наиболее развернутом виде предстает в немецкой классической философии абсолютного тождества. «На протяжении тысячелетий идеализм разыгрывает свои экзерсисы: нет — *obiectum subiectum*, хотя, тем не менее, и *subiectum obiectum*. Главенство субъективности спиритуалистически продолжает дарвиновскую борьбу за существование. Эксплуатация природы ради целей человека — это просто природные, естественные отношения; отсюда приоритет разума, ориентированного на овладение природой, господство над ней и принципа разума» [2, с.164].

Господство субъекта не ограничивается только лишь философской областью, но апплицируется и на социальную практику, что оборачивается, как было уже показано, подавлением человека. Т. Адорно полагает, что единственно правильное решение состоит в наделении *объекта* приоритетным положением. Это вовсе не означает, что объект должен занять место субъекта. Взаимоотношения субъекта и объекта суть диалектические. Здесь не должно быть места иерархической упорядоченности. Действительно, нет истории объектов без субъекта, нет знания об объективной реальности без познающего ее субъекта. Но точно также субъект всегда уже «*есть*», он всегда опосредован объективностью. Признание этой диалектической взаимосвязанности, полагает Т. Адорно, позволит объекту раскрыть свое качественное измерение. Объективная реальность снова приобретет онтологический статус, независимого от субъекта бытия. С уверенностью можно утверждать, что принцип первенства

объекта – это есть ни что иное как квинтэссенция идейно-теоретических и практических интенций Франкфуртской школы – освободить природную реальность из-под оков поработавшего ее субъекта модерна, дать возможность высказаться природе ее собственным языком. Другими словами, в концепте «преимущества объекта» проявляется экологическая составляющая философии Франкфуртской школы, что созвучно основным устремления современности.

Таким образом, франкфуртцы разрабатывают собственную версию диалектической антропологии, в рамках которой было показано, что принцип субъективности удостоверяет принцип господства «современности». Целостная природа человека нивелируется. Он становится только лишь познающим и производящим субъектом. Все его действия и интенции направлены на овладение и покорение объективной действительности, самого себя и себе подобных.

Стоит заметить, что в целом трактовка субъективности «современности» другого ведущего теоретика Франкфуртской школы Г. Маркузе, по мнению многих исследователей, носит производный характер, поскольку дублирует основные положения критики модерной субъективности М. Хоркхаймера-Т. Адорно. Вместе с тем, выделение автором данной работы маркузевских воззрений в качестве самостоятельной рубрики исследования обусловлено некоторыми разночтениями между ними относительно механизма и причин формирования субъекта «современности».

Определяющее влияние на становление маркузевской концепции «современности» оказало биологизаторское учение З. Фрейда о человеке как совокупности витальных влечений. Именно такое видение природы человека и предопределило маркузевскую критику новоевропейской модели субъективности. Однако к таким философско-методологическим выводам Г. Маркузе пришел не сразу.

На начальных этапах идейной эволюции он целиком находился под воздействием философии своего учителя М. Хайдеггера. В экзистенциалистском ключе Г. Маркузе полагал, что «смысл и сущность человека заключены в его конкретном наличном бытии» [3, с.55]. Субстанция же человека в его существовании. Счастье – в пассивно-созерцательном отношении к жизни. Однако события второй мировой войны стали причиной обращения маркузевской мысли к наследию З. Фрейда. Он утверждал, что объяснение причин возникновения феномена фашистского варварства и самоуничтожения человечества в высокоразвитой культуре XX столетия возможно только посредством привлечения фрейдовских построений.

В своей работе «Эрос и цивилизация» он показывает, что причина формирования субъекта «современности» состоит в репрессивной организации сексуальных влечений человека. Франкфуртский теоретик поясняет, что в условиях первобытного общества недостаточность материальных средств для выживания спровоцировало трансформацию сексуальной энергии человека в целеполагающую деятельность по

преобразованию объективной и субъективной действительности. При этом сфера бессознательных, природных влечений человека как та сфера структуры человеческой личности, которая связана со стремлением к наслаждению и счастью, полностью подавляется господствующими культурными и моральными нормами. Этот процесс оказывается «в высшей степени травматическим событием в развитии человека» [4, с.19]. В итоге целостный человек домодерного общества превращается во всего лишь мыслящего субъекта «современности».

В маркузевской концепции человек модерна предстает в образе автономного, активного, деятельного, воинствующего субъекта. Основная задача такого субъекта состоит не в достижении удовлетворения подлинных потребностей, чувственных, по мнению мыслителя, но в преобразовании природы с помощью разума. Г. Маркузе заключает: «Природа (как внутренний, так и внешний мир) была «дана» Я как нечто, подлежащее завоеванию, даже насилию – и такова была предпосылка самосохранения и саморазвития» [4, с.99].

Вышесказанное позволяет заключить, что специфика маркузевской позиции состоит в том, что он пытается психоаналитические категории наполнить социальным содержанием. В его концепции субъект «современности» оказывается воинственным не только по отношению к объективной действительности, но и к самому и себе подобным. Вместе с тем, эта воинственность никоим образом не распространяется на существующее социальное, экономическое и политическое положение дел. Данное обстоятельство франкфуртский теоретик связывает с тем, что индустриальное общество осуществляет не террористическое подавление критической составляющей человеческого мышления и оппозиционных умонастроений посредством экономического координирования человеческих потребностей. В ход пускается механизм овеществления человека. Важно отметить, что Г. Маркузе, в отличие как от К. Маркса, так и от других представителей Франкфуртской школы, полагает, что человек не отчуждается от продукта собственного труда, от себя и своей родовой сущности. Напротив, во всех вещах индустриальной цивилизации он узнает себя. Классовые различия более не играют никакой роли. Человек модерна может смотреть те же фильмы, что и его начальник, ездить на таких же автомобилях и т.д. В стремлении удовлетворить «ложные» потребности накопительства, человек «современности» утрачивает критерии истинности бытия. Он полностью идентифицирует себя с одномерным обществом потребления. «Я уже отметил, что понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения» [4, с.274].

Установка субъекта «современности» на безудержное производство материальных благ и повышение собственного благосостояния оборачивается утратой им индивидуального, «самого» измерения. Качественный момент не учитывается. Более того, человек превращается в

инструмент производства. Единственное предназначение человека «современности» мыслитель усматривает в обслуживании огромного аппарата производства. В культуре модерна труд и бессознательные сексуальные влечения человека объединяются в едином процессе производства. По мнению Г. Маркузе: «Это и есть чистая форма рабства: существование в качестве инструмента, вещи» [4, с.97].

Он постулирует, что в социальной организации модерна никому нет дела до подлинных желаний и страданий единичного человека. Когда на кон поставлено благополучие и стабильность общества никакое действие не считается противоправным за исключением его неприятия и отказа его защищать. Именно эта тоталитарная установка трактуется франкфуртским мыслителем как причина возникновения фашизма. При этом «мир концентрационных лагерей... был не единственным чудовищным обществом. То, что мы видели, было образом и в некотором смысле квинтэссенцией того inferнального общества, в которое нас ввергают ежедневно» [4, с.344]. Он настаивает, что победа над фашизмом не означает победы над проектом модерна. Установки и принципы «современности» продолжают влиять и на современную социально-культурную ситуацию, что проявляется в ксенофобии, экономически и религиозно мотивированном экстремизме и т.д.

Проведенный автором анализ позволяет подытожить. Представители Франкфуртской школы разрабатывают собственную диалектическую антропологию «современности» в сугубо пессимистическом ключе. Принцип субъективности является отражением властности модерна культуры. Субъект самоуверен себя в акте покорения и угнетения природы, самого себя и других людей посредством ряда когнитивных процедур. Общество «современности» - это общество агрессивных, воинствующих субъектов. В таком обществе подлинная сущность человеческого существования искажается. Субъект модерна нацелен только на достижение материальных благ посредством неумеренного их производства. Человек превращается во всего лишь инструмент производственного процесса. Он отчуждается от собственного «Я», опредмечивается и овеществляется. Эмансипационный потенциал познавательной и трудовой деятельности утрачивается. Субъект модерна закабалется вещностью и становится апологетом общества комфортабельной несвободы.

Список использованной литературы

1. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. – 312с.
2. Адорно Т. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374с.
3. Marcuse H. Beitrage zu einer Phenomenologie des Historischen Materialismus. – F/M.: Philosophische Hefte, 1928. – 156s.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 526с.

Библиотека БГУИР